

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 2 (75). С. 7–15.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2022; 2 (75): 7–15.

Научная статья
УДК 343.83(470.313)(09)
DOI 10.37724/RSU.2022.75.2.001

Генезис института тюремной администрации в провинциальной России (по материалам Рязанской губернии)

Олег Александрович Тарасов¹, Ирина Мариковна Эрлихсон²

¹ Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия

¹ socratia@yandex.ru

² Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

² i.erlihson@365.rsu.edu.ru

Аннотация. В статье изучается вопрос формирования института тюремной администрации в Российской империи в период с последней четверти XVII и до начала XIX века. Основываясь на архивном материале и историко-юридических источниках, авторы описывают данный процесс на примере Рязанской губернии, прослеживая особенные и общие черты изменения форм рекрутирования, статусных позиций и должностных обязанностей лиц, руководивших деятельностью провинциальных мест лишения свободы

Ключевые слова: история уголовно-исполнительной системы, тюремная администрация, тюремный смотритель, начальник тюрьмы, пенитенциарные инициативы Екатерины II.

Для цитирования: Тарасов О. А., Эрлихсон И. М. Генезис института тюремной администрации в провинциальной России (по материалам Рязанской губернии) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 2 (75). С. 7–15. DOI: [10.37724/RSU.2022.75.2.001](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.75.2.001).

Original article

The Genesis of Prison Administration in Provincial Russia (at the example of the Ryazan Province)

Oleg A. Tarasov¹, Irina M. Erlichson²

¹ Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia

¹ socratia@yandex.ru

² Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia

² i.erlihson@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article investigates the genesis of prison administration in the Russian Empire in the late 17th — early 19th centuries. The authors analyze archival materials, historical and legal sources. They investigate the history of prison administration at the example of the Ryazan Province, assessing the unique and universal features of the process of recruiting, analyzing prison officials' social status and their job functions.

Keywords: history of the penitentiary system, prison administration, prison guards and wardens, prison governors, Catherine II's penitentiary initiatives.

For citation: Tarasov O. A., Erlichson I. M. The Genesis of Prison Administration in Provincial Russia (at the example of the Ryazan Province). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin.* 2022; 2 (75):7–15. (In Russ.). DOI: [10.37724/RSU.2022.75.2.001](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.75.2.001).

В последние десятилетия в социогуманитарных науках появилось множество прикладных исследований, посвященных описанию *профессии* как социального феномена и фактора личностной мотивации. В научной литературе поставлен вопрос о существовании «этоса профессии», под которым понимают как стиль или образ жизни какой-либо профессиональной общности, в основу которого положены определенные ценности, моральные ориентиры, этические нормы, так и образцы поведения представителей профессиональной группы, которые являются скрепляющим началом для неформальных конвенциональных норм деятельности. Результатом научных исследований выступает построение модели профессионального этоса как идеального образа представителя той или иной профессии, обладающего определенным социальным статусом в соответствии с уровнем его признания в некотором профессиональном сообществе, основным ценностным ориентиром которого является профессиональный долг и общественное благо [Бакштановский, 2001]. Изучение истории профессии, в свою очередь, является важнейшим источником принципов, норм, традиций, ценностей и ритуалов, составляющих модель профессионального этоса.

Современная российская уголовно-исполнительная система в целом и все ее элементы по отдельности представляют собой определенный результат долгого и противоречивого процесса развития в пространстве и во времени. Любые отношения, институты и объекты, функционирующие в рамках системы исполнения наказаний, имеют свою историю, то есть когда-то появлялись, проходили определенные этапы своего развития, изменялись и, в свое время, отмирали, а их сменяло что-то новое. Однако даже при ясном осознании данной всеобъемлющей «темпоральности» трудно себе представить деятельность уголовно-исполнительной системы без некоторых «констант», к которым относят фигуру *руководителя учреждения*, исполняющего наказание.

Данная статья обращена как к общим вопросам зарождения и развития института тюремной администрации в России, так и к выявлению конкретных особенностей управления провинциальными местами лишения свободы на материале Рязанской губернии. В свое время выдающийся отечественный ученый-криминалист И. Я. Фойницкий (современник эпохи пенитенциарных реформ последней трети XIX века и их активный участник), выделяя важную роль «тюремного персонала, стоящего лицом к лицу с арестантами», называл проблему усовершенствования института тюремной администрации «коренным вопросом тюремной политики». В качестве аргумента Фойницкий приводил популярное высказывание одного из деятелей международного пенитенциарного движения Т. Канонико: «При самом хорошем тюремном уставе вы не достигните никаких удовлетворительных результатов, имея дурного директора. При хорошем директоре вы можете достигнуть удовлетворительных результатов даже в дурной тюрьме» [цит. по: Бакштановский, 2001, с. 426].

Сегодня руководители учреждений, исполняющих уголовные наказания, ежедневно решают сложные и разноплановые задачи, их роль и значение в функционировании системы трудно переоценить. Парадоксально, но так было не всегда. Процесс начала формирования института тюремной администрации в современном его понимании традиционно связывают с фигурой императрицы Екатерины II и ее «пенитенциарным поворотом» — стремлением к изменению самого статуса тюрьмы, превращению ее в специально организованное и оснащенное пространство для исправления преступников. Действительно, вплоть до последней четверти XVIII века говорить о существовании какого-то единообразного специализированного профессионального и постоянного аппарата управления многочисленными местами заключения Российской империи не приходилось. Да и в Екатерининскую эпоху проблема была лишь осмыслена и актуализирована на государственном уровне, а непосредственное решение ее заняло без малого последующие сто лет.

Однако исторические и юридические источники ясно свидетельствуют о том, что заключение преступников в тюрьмы как в качестве средства удержания их до суда, так и в качестве отдельной формы их наказания существовало и широко применялось уже в XVI–XVIII веках. По оценке российского правоведа Н. Д. Сергиевского, в то время действовала некая тюремная администрация, но она «являлась в высшей степени простой и несложной» [Сергиевский, 1887, с. 202]. Появление и распространение большинства из упомянутых в документах должностей связывают с результатами губной реформы середины XVI века: введением на отдельных территориях Московского государства основанного на выборном начале режима губного управления для обеспечения порядка и борьбы с преступниками.

Юридические основания и характерные черты губного управления широко известны. Населению отдельных уездов специальными уставными губными грамотами жаловалось право избирать из своей среды и содержать аппарат из особых должностных лиц — губных старост и целовальников, а также тюремных целовальников и сторожей, которые были призваны выполнять широкие уголовно-полицейские функции в пределах своей территории — губы, в том числе организовывать деятельность мест заключения. На территории Переславль-Рязанского уезда губное управление было введено с 21 ноября 1555 года. Иван IV в уставной губной грамоте пожаловал жителям уезда «по их челобитию» быть у «розбойных и у татиних дел» губными старостами и губными целовальниками. История сохранила имена первых губных старост, которым, помимо всего прочего, поручалось заведовать тюрьмами Переславля Рязанского — ими были избраны «Бебех Семенов сын Глебов да Никита Иванов сын Вантин» [Губные грамоты ... , 1956, с. 221].

Однако признать за допетровской эпохой первенство в вопросе формирования *института* тюремной администрации, на наш взгляд, не позволяют несколько существенных обстоятельств. Во-первых, на тот момент исполнение уголовных наказаний не выделилось еще в отдельную специфическую сферу и сосуществовало с иными направлениями в рамках более общей административной деятельности по поддержанию общественного порядка. Поэтому высшие лица губной иерархии выполняли разнообразные функции, не связанные исключительно с организацией и управлением тюрьмами, а низшие, тюремные целовальники и тюремные сторожа, вероятнее всего, осуществляли в большей степени функции тюремного надзора, а не управления, которые в тот период также еще четко не разделялись. Например, в поручительстве за некоего Осипа Макарова, выбранного в 1688 году крестьянами окрестных сел в Переславль Рязанский быть «у тюрем в губных целовальниках», перечислялись обязанности, мало отличавшиеся от типичных обязанностей тюремных сторожей: «без указу великих государей из тюрем тюремных сидельцев, татей и розбойников и всяких воровских людей не пускать, и пил и резцов тюремным сидельцам не подносить и от того у них посулов и поминков не имат, а езжучи по язычным молкам татей и розбойников не отпускать...» [Поручная ... , 1864, с. 287]. Собственный тюремный функционал был еще скромнее и не развит, что полностью соответствовало целям доминировавшей системы исполнения наказаний, призванной карать и устрашать. В этих рамках единственной прикладной задачей тюрьмы являлось обеспечение изоляции и сохранения преступника для осуществления над ним правосудия и возмездия, исключив возможность побега. Поэтому все лица, причастные к тюремному делу, должны были следить, «чтобы тюрьмы были крепки, и у тюремных бы сидельцев в тюрьмах ничего не было, чем им из тюрьмы вырезатися» [Полное собрание законов ... , 1830, т. I, с. 153].

Во-вторых, особенности рекрутирования представителей губного аппарата не позволяют обнаружить складывание и закрепление какой-либо устойчивой «профессиональной традиции». Все должности в рамках губного управления замещались путем выборов не по принципу профессионализма, а во многом случайным образом. Говоря современным языком, «квалификационные требования» претендентов на замещение должности губного старосты, судя по тексту Соборного уложения 1649 года, заключались в грамотности, физическом здоровье, неучастии в государственной службе по объективным причинам, наличии собственности, определенного социального статуса и общественного авторитета. Какой-либо опыт в губном деле не требовался [Полное собрание законов ... , 1830, т. I, с. 137].

Основным критерием для избрания тюремных целовальников и сторожей была только законопослушность или, как минимум, отсутствие склонности к криминальному поведению во время нахождения при должности: «воровством никаким не воровать, зернью и карты не играть, и корчмы не держать... и самому пьяно не напиватца» [Выбор ... , 1857, с. 5]. Однако на практике было маловероятно, чтобы к выборным процедурам на низшие должности относились осознанно и качественно. Нередко они проходили помимо желания избранных, так как для них это было сопряжено с отрывом от семьи, хозяйства и привычного уклада жизни на целый год. Поэтому изначально, скорее всего, дело решалось путем жребия. Впоследствии, по мере распространения и закрепления губной системы, в глазах населения она из привилегии превратилась в еще один вид повинности. В конечном счете это спровоцировало проблемы при ежегодном замещении низших губных должностей, их нехватку, распространение практики найма тюремных сторожей с поручками вместо выбора их из своей среды или поручение этих функций стрельцам [Отписка ... , 1901, с. 476].

Интересно, что, несмотря на подобные трудности, центральная власть последовательно боролась за ежегодную сменяемость губных должностей, рассматривая это требование как условие против злоупотреблений на местах. К примеру, когда в 1632 году в Москве стало известно о том,

что «у губных дел» в Муроме повсеместно находятся «прежние многие целовальники лет по пяти, и по шти, и по десяти, и болши, безпеременно», местному губному старосте было строго указано, «чтоб прежних губных целовальников у нашего губного дела не был ни один человек; а на их место велел сошным людем, с посаду и с уезду, выбирати новых губных целовальников, да и впредь бы еси губных целовальников переменял по тому же ежегод, всех до одного человека, а на их место новых губных целовальников выбирал, к нашему крестному целованью их приводил и на них выборы к нам, к Москве, в Розбойной Приказ, присылал во вся ж годы» [Царская грамота, 1836, с. 308].

Наконец, распространившийся в XVI–XVII веках режим губного управления не был единственно возможным и общим для всего Московского государства и не действовал постоянно. Альтернативой ему всегда оставалась система воеводского правления, когда вопросы уголовно-полицейского характера в целом передавались воеводам и их аппарату — различным приказным людем. Поэтому, несмотря на то, что цели, задачи и формы борьбы с преступностью оставались неизменными, в силу различных причин на одной и той же территории в разные годы попеременно эта борьба могла осуществляться силами двух структур — воеводской и губной, нередко находящихся в открытой конфронтации. Более того, на царских вотчинных землях существовала своя отдельная система управления, в рамках которой в форме личной службы деятельностью тюрем могли вестись такие должностные лица, как дворские и неделщики.

Таким образом, к началу XVIII века сложившиеся в допетровской России практики тюремного управления были не систематизированы, не структурированы, не специализированы, не профессиональны, нестабильны и, как следствие, неэффективны. Именно эти обстоятельства и характерные черты не позволили, на наш взгляд, сложиться институту тюремной администрации в Московском государстве, а в эпоху петровских реформ они же послужили поводом для упразднения всех ранее существовавших форм и элементов. Практики губного и воеводского управления, доставшиеся в наследство Петру I, воспринимались молодым правителем как пережитки седой старины, противоречащие его идеалу «регулярного», то есть правильного государства, «где вся жизнь регламентирована, подчинена правилам, выстроена с соблюдением геометрических пропорций, сведена к точным, однолинейным отношениям» [Лотман, 2019, с. 31].

Поэтому в начале XVIII века остатки старых систем управления были отвергнуты без всякого сожаления. Последовательно в ходе административных реформ на смену выборному и местническому началам пришло начало бюрократическое в сочетании с милитаризацией, повышением роли армии в невоенных вопросах. Одним из последних свидетельств этого процесса, по-видимому, является сенатский указ от 22 февраля 1729 года с требованием к властям Нижегородской губернии, «ежели в той губернии подлинно и по ныне имеются из крестьян у тюрем целовальники, також и у других подобных тому служб, всех уволить, а довольствоваться определенными разсылщиками; а для чего по ныне за указами в такие службы крестьян определяли, о том ответственать» [Полное собрание законов ... , 1830, т. VIII, с. 128].

Таким образом, постепенно управление деятельностью провинциальных тюрем растворилось в общих структурах губернского и городского администрирования. Исследователи вполне правомерно указывают на тот факт, что «в XVIII веке даже косвенных свидетельств о наличии штата управления у тюрем обнаружить не удастся» [Желтов, 2017, с. 107]. Действительно, анализ имеющихся источников свидетельствует, что на протяжении практически всего столетия никаких инициатив в развитии тюремной администрации не предпринималось. Исключением являются лишь годы царствования Екатерины II, которая начала свою работу по тюремному управлению практически на пустом месте.

Увлечшись модернистским проектом внесения человеколюбивых начал в российскую действительность, императрица, по всей видимости, искренне стремилась осуществить в уголовно-исполнительной сфере переход от системы карательных наказаний к исправительным. Первые очертания этого «пенитенциарного транзита» были продемонстрированы Екатериной II уже в положениях X главы Наказа Уложенной комиссии 1767 года. В дальнейшем, в рамках губернской реформы 1775 года, императрица учредила новые места лишения свободы исправительного типа — смирительные и рабочие дома, подведомственные также вновь образованным губернским приказам общественного призрения, которые она, очевидно, отличала от обычных тюрем, остававшихся на старых основаниях в ведении полиции. Кроме того, именно в связи с учреждением смирительных домов впервые появляется требование особого штата управления ими: «к смирительному дому надлежит приставить пристойного и исправного надзирателя, а для надлежащего во всех частях дома присмотра, определить из отставных солдат добропорядочного состояния и исправных людей» [Полное собрание законов ... , 1830, т. XX, с. 275].

Наиболее интересным свидетельством о намерениях Екатерины II ввести в уголовно-исполнительную сферу принцип единоначалия и создать систему централизованной и многоуровневой тюремной администрации стал собственноручно написанный ею проект Устава о тюрьмах, датируемый 1787 годом. В соответствии с положениями данного проекта в общегосударственном масштабе вся тюремная система переходила в подчинение *государственного надзирателя правосудия*. Он должен был утверждать в каждой губернии лиц, предложенных гражданскими и уголовными палатами на должность *уездного надзирателя*, которому подчинялись все тюрьмы отдельной губернии. Каждая отдельно взятая тюрьма управлялась бы *тюремщиками*, назначенными уездными надзирателями. В подчинении у тюремщика предполагался штат низших служащих: тюремщики отделений, сторожи, повара, слуги и прочие лица [Филиппов, 1873, с. 79]. В пунктах проекта подробно регламентировались многочисленные должностные обязанности и особенности деятельности тюремщиков. В параграфе 70-м приводилась уникальная присяга тюремных служащих, предложенная императрицей: «Аз ниже именованный обещаюсь перед всевидящим Богом чистосердечно, что хочу и должен всеми силами своими отправлять стражу над тюремными так, как мне в должность предписано, и оную преступать и упускать не буду ни для вражды, ни для дружбы, ни для родства, ни для лицепрятия. Определенное тюремным пищу, житие, одежду и проч. содержание доставлять без малейшего ущерба, сурово с ними поступать не буду, но человеколюбиво, без послабления; подарков, посул и взятков ни от кого брать не буду; за подчиненными неусыпное смотрение иметь обещаюсь, дабы они, обще со мной, должность свою исправно и радетельно исполняли и отправляли» [Там же, с. 78–79].

Таким образом, судя по тексту проекта, Екатерина II предполагала придать сфере исполнения уголовных наказаний характер специализированной государственной службы с четкими полномочиями для конкретного круга должностных лиц, впервые в России на доктринальном уровне обозначив направление дальнейшей институционализации тюремной администрации на принципах единоначалия и централизации. Однако в дальнейшем данный проект не получил своего практического воплощения ни целиком, ни в отдельных аспектах.

Сохранившиеся исторические источники не позволяют утверждать определенно, что послужило причиной отказа императрицы от реализации своих планов. В качестве наиболее вероятных причин можно назвать трудности финансового характера, которые бы неизбежно возникли в случае постройки всех многочисленных тюрем и формирования штатов, предусмотренных проектом. Известно лишь, что в 1788 году Екатерина направила свой труд на экспертизу петербургскому губернскому прокурору, для того чтобы он на примере столичного тюремного замка проверил, насколько применимы положения проекта. Результат не известен, но, вполне возможно, что отзыв оказался критическим и каким-то образом повлиял на дальнейшую судьбу проекта. Он на долгие годы был скрыт в архивах.

Кроме того, российский правовед М. А. Филиппов, автор комментария к «Проекту устава о тюрьмах», впервые опубликовавший его на страницах «Русской старины», считал, что некоторое охлаждение к пенитенциарной реформе со стороны Екатерины наступило после начала революционных событий во Франции, где революционное Учредительное собрание провозгласило начало тюремной реформы, многие положения которой напрямую перекликались с екатерининским Наказом и проектом Устава о тюрьмах. Одного этого, по замечанию исследователя, «в то время было достаточно, чтобы приостановить дальнейшие преобразования и отступить, если возможно, назад» [Филиппов, 1873, с. 65].

Последующее становление губернских и уездных тюремных администраций происходило не специализированно, а в тесной связи с реформой местного самоуправления, разделившей всю территорию страны на сорок губерний. Рязанская губерния была учреждена указом от 28 февраля 1778 года. Губернским центром стал город Переяславль Рязанский, переименованный в 1780 году в Рязань. В последней четверти XVIII века рязанский тюремный острог, размещавшийся ранее в историческом центре города у Рязанского кремля, был перенесен за черту города и значительно расширен. Интересно, что это было сделано в соответствии с положением, отразившемся в нереализованном проекте: строить места заключения на свободной, безопасной от пожаров и наводнений земле. Новый тюремный острог разместили на самой окраине города, у Московской заставы. От городских улиц и строений его отделял естественный овраг, с другой стороны начиналась заброшенная пустошь. Острог в то время представлял собой несколько деревянных построек: четыре казармы для арестантов, помещение для караула и хозяйственные строения, окруженные высоким палисадом.

На рубеже XVIII–XIX веков места заключения находились в непосредственном ведении полиции. В штате рязанской полиции, утвержденном в 1803 году, кроме полицмейстера состояли два частных пристава и четыре квартальных надзирателя, осуществлявшие надзор в каждом квартале, однако какой-либо должности для управления тюрьмой не предусматривалось. Тем не менее именно из числа квартальных надзирателей московской части назначались, получая от полицмейстера персональные наставления, лица для несения службы в рязанском тюремном остроге. Помимо квартального надзирателя охрану тюремного острога и конвоирование арестантов осуществлял караул от роты местной стражи, также подчинявшейся местной администрации, а после реформы 1811 года в Рязанской губернии места лишения свободы стали окарауливаться силами губернского полубатальона внутренней стражи, внешняя безопасность нового замка обеспечивалась военным караулом во главе с караульным офицером.

В целом в начале XIX века, в эпоху реформ Александра I, характерной чертой в деле тюремного управления стала все возрастающая ведомственная децентрализация, прямо противоположная идеям Екатерины II. Так, отдельные направления деятельности мест лишения свободы оказались в ведении различных министерств: внутренних дел, юстиции, финансов, путей сообщения и военного ведомства. Вследствие этого, как отмечал поверенный Санкт-Петербургского тюремного комитета Э. И. Мишле, на местах надзор за деятельностью тюрем поручался множеству должностных лиц: губернаторам, губернским прокурорам и уездным стряпчим, полицмейстерам, городничим, исправникам, начальникам внутренней стражи и жандармским штаб-офицерам [Мишле, 1878, с. 167].

Анализ должностных обязанностей смотрителя провинциального тюремного острога свидетельствует о том, что он в одиночку выполнял многочисленные и разнообразные функции, непосредственно осуществляя как полицейский надзор, так и хозяйственную деятельность. Вступая в должность, смотритель принимал в свое ведение как само здание тюрьмы, так и «имеющиеся там материалы и вещи, нужные всем», подробную опись которых должен был представить в полицию. Среди его обязанностей в очередной раз звучало требование «быть безотлучно в здешнем тюремном замке и наблюдать строго и неослабно». Также подтверждалось положение, чтобы «содержащиеся арестанты находились в казармах по роду преступления, согласно запискам городской полиции, и отнюдь... с другими не допускать сообщения, равным образом женщины находились бы в назначенной казарме с неодолимым входом, ни под каким видом не допускать вход мужчинам, равно их к мужчинам». В отношении больных арестантов смотритель должен был осуществлять «особенное смотрение, дабы они находились в полном спокойствии», и в местах, где они располагались, «вовсе иметь чистоту и опрятность, усыпая ежедневно два раза в день песком и производить курение». Смотритель должен был следить и за тем, чтобы арестантами «соблюдалась тишина и благопристойность, посему нужно их не допускать ни под каким видом до пьянства, как чрез это может в них развиться, несомненно, великую вражду и драку». Кроме того, арестантов «никого и ни для какой надобности» не разрешалось «уводить», а равно и к арестантам посторонних никого не разрешено было допускать, «а в особенности наблюдать, чтобы они не могли ни с кем делать переговоры». Смотритель отвечал и за то, чтобы к ночному времени все казармы запирались на замок, а на территории внутри и около замка он должен был «повседневно иметь чистоту и опрятность, усыпая как его казармы, так и пространство песком». Все вышеупомянутое надлежало «исполнить непременно» и ежедневно в шесть часов утра доставлять рапорт полицмейстеру, а в противном случае смотритель рисковал подвергнуться «непосредственному строгому взысканию» [ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 195].

Однако, несмотря на многочисленные и столь подробные по разным вопросам указания, в них не наблюдалось еще никакой системы. Как свидетельствуют многочисленные архивные документы, невзирая на «многовекторный» контроль за деятельностью тюремного руководителя, различные нарушения в содержании арестантов были нередки, а в некоторых случаях носили системный характер. К примеру, 6 декабря 1818 года во время проверки караулов выяснилось, что в рязанском остроге дежурный офицер принес для содержащихся под стражей вино, «последствием чего было то, что они, напившись пьяными, взяли к себе содержащихся за разные преступления из другой комнаты женщин и произвели между собой не только шум, но и драку». Проверяющий вынужден был связать виновников. Впоследствии при разбирательстве выяснилось, что «от градской полиции не посылаются внутрь острога для смотрения за порядком дежурные, ибо в противном случае не могло бы произойти таких беспорядков» [ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 195. Л. 5–6]. Городничий Михайловского уезда Рязанской губернии неоднократно докладывал губернскому начальству о частых случаях передачи арестантам «через отверстия в ретирадных окнах» крепких

напитков со стороны караульных. А однажды надзиратель Михайловского замка «после ужина застал одного офицера с каким-то штатским чиновником в камере, занимаемой женщинами, без всякой записки о дозволении» [ГАРО. Ф. 857. Оп. 13. Д. 15. Л. 9].

Показательным стал дерзкий побег, который совершили арестанты во время строительства каменного тюремного замка в Рязанской губернии. Выясняя обстоятельства побега, генерал-губернатор А. Д. Балашов требовал от полицмейстера Губерта доподлинно выяснить, «был ли при сем случае надлежащий за арестантами присмотр», а узнав, что побег совершен с помощью инструментов для работ, вынес резолюцию: «виноват должен быть смотритель не смотревший» [ГАРО. Ф. 920. Оп. 1. Д. 1546. Л. 1, 4]. В итоге генерал-губернатор поручил полицмейстеру сделать смотрителю рязанского острога Григорьеву «за слабое смотрение за арестантами» выговор, а вывод арестантов на внешние работы временно прекратили. С тех пор каждый новый смотритель получал личное письменное предписание полицмейстера: «находиться во всякое время при остроге безотлучно, смотреть за арестантами, в остроге содержащимися, и чтоб из одной в другую казарму не переходили, с арестантами, в другой казарме содержащимися, свиданий не имели, и по роду преступлений разделены были. О всяком же происшествии или что замечено будет противозаконного доносить мне в то же время» [ГАРО. Ф. 920. Оп. 1. Д. 1799. Л. 10 об.].

Таким образом, в рассматриваемый период служба тюремного смотрителя считалась довольно сложным и ответственным делом, сопряженным с дополнительными неудобствами, постоянным пребыванием в тюремном замке, и зачастую, не являясь престижным и долгосрочным назначением, рассматривалась как временный этап в карьере. Первая общероссийская Инструкция смотрителю губернского тюремного замка, увидевшая свет лишь в 1831 году, стала первым нормативным актом, определившим границы данной профессии. С этого времени мы наблюдаем на практике не только становление определенной государственной должности — тюремного начальника с кругом определенных полномочий, но и последовательное повышение престижа этой должности, формирование ценностных ориентиров и понятия профессионального долга. Дальнейшая институционализация пенитенциарной службы положила начало формированию «этоса профессии» тюремного руководителя как совокупности неформальных конвенциональных норм деятельности.

Список источников

1. Бакштановский В. И. Этос // Этика : энцикл. слов. / под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. — М., 2001. — С. 573–581.
2. Выбор в тюремные сторожа. 1671 г., августа 29 // Акты, относящиеся до юридического быта древней России / под ред. Н. Качалова. — СПб., 1857. — Т. I. — С. 5–6.
3. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 195 ; Ф. 857. — Оп. 13. — Д. 15 ; Ф. 920. — Оп. 1. — Д. 1546, Д. 1799.
4. Губные грамоты XVI века из музейного собрания // Записки отдела рукописей. — М., 1956. — Вып. 18. — 366 с.
5. Желтов А. А. Классы чинов тюремного ведомства Российской империи по «Табели о рангах» // Международный научно-исследовательский журнал. — 2017. — № 12–2 (66). — С. 107–110.
6. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — СПб., 2019. — 608 с.
7. Мишле Э. И. Краткий очерк истории русских тюрем // Второй международный пенитенциарный конгресс. — СПб., 1878. — 170 с.
8. Отписка из Ярославля В. Унковскаго о найме сторожей к опальным тюрьмам. 1661 г., декабря 26 // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук / под ред. Д. Я. Самоквасова. — СПб., 1901. — Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. — 671 с.
9. Поручная по губном целовальнике. 1688 г., сентября 30 // Акты, относящиеся до юридического быта Древней Руси / под ред. Н. Качалова. — СПб., 1864. — Т. 2. — 446 с.
10. Сергиевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. — СПб., 1887. — 468 с.
11. Филиппов М. Тюрьмы в России. Собственноручный проект Екатерины II. 1787 // Русская старина. — 1873. — Т. VIII, № 7. — С. 660–691.
12. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. — М., 1889. — 504 с.
13. Царская грамота в Муром, губному старосте Осорьину, о перемене губных целовальников, состоящих в сем звании по несколько лет, и ежегодном впредь выборе новых целовальников. 1632 г., сентября 26 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею императорской академии наук. — СПб., 1836. — Т. 3. — 560 с.

References

1. Bakshtanovskij V. I. Ethos. *Jetika : jenciklopedicheskij slovar'* [Ethics: Encyclopaedia]. Apresjan R. G., Gusejnov A. A. (eds.). Moscow, 2001, pp. 573–581. (in Russian).
2. Electing Prison Wardens. August 29, 1967. *Akty, odnosjawsja do juridicheskogo byta drevnej Rossii* [Legal Regulations of Ancient Russia]. Kachalov N. (ed.). St. Petersburg, 1857, vol. I, pp. 5–6. (in Russian).
3. Gosudarstvennyj arhiv Rjazanskoj oblasti [State Archive of the Ryazan Region]. F. 5, Op. 1, D. 195 ; F. 857, Op. 13, D. 15 ; F. 920, Op. 1, D. 1546, D. 1799. (in Russian).
4. Criminal Legislation of the 16th Century. *Zapiski otdela rukopisej* [The Department of Manuscripts]. Moscow, 1956, iss. 18, 366 p. (in Russian).
5. Zheltov A. A. Prison Wardens in the Russian Empire according to the Table of Ranks. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal]. 2017, no. 12–2 (66), pp. 107–110. (in Russian).
6. Lotman Ju. M. *Besedy o russkoj kul'ture: byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Talking about Russian Culture: Life and Traditions of Russian Nobility (the 18th century and the early 19th century)]. St. Petersburg, 2019, 608 p. (in Russian).
7. Mishle Je. I. A Short Essay in the History of Russian Prisons. *Vtoroj mezhdunarodnyj penitencijarnyj kongress* [The Second International Penal and Penitentiary Congress], St. Petersburg, 1878, 170 p. (in Russian).
8. V. Unkovskij's Letter from Yaroslavl about the Employment of Prison Wardens. December 26, 1661. *Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoju Akademiejju Nauk* [Acts of Moscow State Published by the Imperial Academy of Sciences]. Samokvasov D. Ja. (ed.). St. Petersburg, 1901, vol. 3. Orders. Moscow Department. 1660–1664, 671 p. (in Russian).
9. Characteristics of Prison Wardens. September 30, 1688. *Akty, odnosjawsja do juridicheskogo byta drevnej Rusi* [Statutes Regulating Legal Issues of Ancient Russia]. Kachalov N. (ed.). St. Petersburg, 1864, vol. 2, 446 p. (in Russian).
10. Sergeevskij N. D. *Nakazanie v russkom prave XVII veka* [Punishment in Russian Law in the 17th Century]. St. Petersburg, 1887, 468 p. (in Russian).
11. Filippov M. Prisons in Russia. Catherine II's Project. 1787. *Russkaja starina* [Tales of Old Russia]. 1873, vol. VIII, no. 7, pp. 660–691. (in Russian).
12. Fojnickij I. Ja. *Uchenie o nakazanii v svjazi s tjur'movedeniem* [Penal Studies and Prison Studies]. Moscow, 1889, 504 p. (in Russian).
13. Tsar's Order to Murom Prison Warden Osoryin about Changing Long-Tenured Wardens When New Wardens are Chosen. September 26, 1632. *Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj Imperii Arheograficheskiju jekspediciju imperatorskoj akademii nauk* [Acts Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire of the Archeographical Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1836, vol. 3, 560 p. (in Russian).

Информация об авторах

Тарасов Олег Александрович — кандидат исторических наук, доцент, полковник внутренней службы, начальник кафедры философии и истории.

Сфера научных интересов: история пенитенциарной системы России (региональный аспект).

Эрлихсон Ирина Мариковна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: английская общественная мысль XVII–XVIII веков, раннее Просвещение.

Information about the authors

Tarasov Oleg Aleksandrovich — Candidate of History, Associate Professor, Colonel of the Internal Service, Head of the Department of Philosophy and History

Research interests: history of the penitentiary system of the Russian Federation (regional aspects).

Erlikhson Irina Marikovna — Doctor of History, Professor in the Department of General History and International Affairs at Ryazan State University named for S. Yesenin.

Research interests: English social thought of the 17th–18th centuries, early Renaissance.

Статья поступила в редакцию 03.01.2022; одобрена после рецензирования 21.03.2022; принята к публикации 27.03.2022.

The article was submitted 03.01.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 27.03.2022